Ласковые лучи полуденного солнца нежно касались тела девушки, и в ярко-голубых глазах отражалось удивление.

Вэй Цинъюй не помнила, что произошло после того, как она спряталась в комнате.

Она не знала, как исчез Цзи Цинъюнь, как она сама избежала опасности, и тем более как эта вещь вернулась к ней.

Эта маленькая персиковая корзинка была подарком на рождение, который ее мать подарила ей и Цзи Сяо. Подарок был скромным, но полным ее глубокой любви к обоим детям.

Она не представляла, сколько дней и ночей заняло у нее вырезать круглую, пухлую персиковую корзинку. Красную плетеную веревку она тоже достала лично, отправившись в храм.

Только позже, после несчастного случая с ее родителями, маленькая персиковая корзинка, которую постоянно носила на себе Вэй Цинъюй, была потеряна.

Она обыскала все закоулки дома и даже после того, как ее изгнали, продолжала искать корзинку, но не нашла.

Кто бы мог подумать, что сегодня она таким образом вернулась к ней в руки.

Взгляд Вэй Цинъю остановился на висящем над камином в гостиной семейном фото и потемнел.

Она подумала, что это, должно быть, родители благословляют ее и позволили ей сбежать сегодня.

«Скрип…»

В этот момент открылась дверь комнаты.

Вэй Цинъю поспешно взяла себя в руки, настороженно открыла шкафчик, достала западный острый нож и прижалась к стене лицом к двери.

В комнату вошел не Цзи Цинъюнь, а водитель, который сегодня отвез ее на кладбище.

Он озирался, будто высматривал что-то, и все ближе подходил к Вэй Цинъю.

Та вовремя шагнула вперед и ударила водителя ножом по шее.

— Что тебе нужно? — холодно спросила она.

— Я… Я хотел одолжить ваш туалет, мисс Вэй… — шокированно выдавил из себя водитель, у которого на глаза навернулись слезы.

Он сторожил Вэй Цинъю у дома три часа, и его уже поджимало.

Но она не осмелилась сходить в общественный туалет в переулке.

В отчаянии он толкнул дверь и вошёл в виллу.

Кто бы мог подумать, что туалет было не найти, а мисс Вэй уже к стене жалась.

Вэй Цинъюй слегка нахмурился и настороженно спросил: «Где Цзи Цинъюнь?»

«Господин...» — вспомнил водитель перед отъездом указание Цзи Сяо и сказал: «Господин... Сразу после прибытия на виллу он получил срочный звонок и уехал. Он, он, он велел мне вас забрать».

Вэй Цинъюй, услышав эти слова, слегка расслабил брови.

Вот что вышло...

Вэй Цинъюй больше ничего не спросил и поднял другой палец к потайной двери у входа: «Туалет там, а вы идёте в другую сторону».

После этого Вэй Цинъюй слегка приподнял запястье и отодвинул нож ещё дальше от шеи водителя.

Увидев это, водитель напрягся и двинулся в сторону, а затем побежал в туалет.

По воде прошла едва заметная рябь. Скрипнула дверь, когда водитель закрыл ее за собой, и на первом этаже снова стало тихо.

Вэй Цинъюй рассеянно подошла к камину, держа в руке маленькую плетеную корзиночку и глядя на фотографию перед собой.

На фоне стены из роз дочка держала за руки маму Сюй Малинь и папу Вэй Линью.

Все трое улыбались, их слегка прищуренные глаза искрились.

В тот момент Вэй Цинъюй думала, что их трое никогда больше не расстанутся и всегда будут так счастливы.

А потом...

Прошла вечность.

Как и всем людям, ей пришлось надеть черное платье и проводить родителей в последний путь в тот дождливый день.

Только вот она еще не была взрослой.

Вэй Цинъюй снова взяла в руки плетеную корзинку, потерла тыльной стороной указательного пальца большой и заставила себя подавить грусть в душе.

Мамы и папы больше нет.

Скоро её дом будет продан на аукционе.

Она не может плакать, не то что быть слабой; вместо этого ей следует забрать все вещи, что оставили ей родители.

"Мисс, со мной все в порядке, можно ехать обратно?" спросил водитель сдержанно, выходя из туалета.

"Да". Вэй Цинъюй кивнула и снова надела корзину для персиков на запястье.

После обеда солнце становилось всё ленивее и к шести часам вечера закат окутал землю.

Белое солнце висело на одной стороне неба, а на другой стороне полной луной была нарисована луна.

Глядя на редкое явление на небе, Вэй Цинъюй непримечательно достала ключ и открыла дверь.

В доме по-прежнему царила тишина. Тётушка Ву готовила праздничный ужин в честь праздника середины осени, а другая служанка помогала ей.

Никто не заметил, как она вернулась, и никому не было дела до того, почему она вернулась так поздно.

В тех суматошных событиях, что разворачивались в кирпичном доме, никто не обратил внимания на Джи Цинъюня.

Вэй Цинъюй, сидевшая на диване в гостиной, молча налила себе стакан воды и отпила.

Тепло пробежало по её телу, согревая влагой окоченевшее тело.

— Ой, я так вымоталась! Кто-нибудь, помогите!

Распахнув входную дверь, Джи Сяо возникла в прихожей.

Все удивлённо замерли.

Вэй Цинъюй поставила стакан и посмотрела в коридор, а тётя У и другая служанка бросили Хо Фэя и подбежали к Джи Сяо.

Увидев на ней такую одежду, все разом выпучили глаза.

На Джи Сяо были надеты белые джинсовые шорты, как и утром, но ноги были обуты в грязные кроссовки.

В белой руке она несла два больших пакета фруктов и огромный цзиньхуаский окорок, который, неизвестно где, удалось раздобыть на ярко-розовом ободе.

— О господи, что вы делаете, барышня? — не сдержавшись, воскликнула тётя У.

Цзи Сяо был задет резким вздохом тети У. Он сказал: «Из-за чего весь этот переполох? Разве я не говорил вам, что ходил к Ци Ци?»

«Это праздничный подарок от брата. Я приготовлю его позже». Цзи Сяо снял обувь и указал на целый окорок Цзиньхуа.

Надо сказать, что старший брат Се Юн очень интересный человек.

После того как Цзи Сяо дал Се Юну в два раза больше денег за появление, Се Юн развернулся и отправился в свой собственный магазин за фруктами и беконом и взял себе много чего.

Если бы Цзи Сяо не взял такси по пути домой, он боялся бы не донести все это на своем хрупком теле.

«От такого есть уже нельзя. Я сделаю соленья из свежих продуктов, в холодильнике еще есть побеги весеннего бамбука», – сказала тетя У.

«Что угодно, ладно». Цзи Сяо безразлично взмахнул рукой и, почувствовав усталость, направился на диван в гостиной в тапочках.

Но когда он увидел прямо сидящего на диване Вэй Цинъюй, он выпрямился.

Мягкий свет ламп тёк с потолка, ложась на детское личико, обрамлённое тёмными волосами.

Холодная белизна кожи светилась нефритовым отливом, глаза из-под густых ресниц смотрели спокойно и живо, а хрупкость, сворачиваясь у него в руках, исчезала.

Светло-голубая юбочка была тщательно застёгнута верхней пуговицей лифа, а над грудью красовалась небольшая серебряная брошь.

Цзи Сяо откинулся на диван, сел напротив Вэй Цинюй и произнес:

- Ты вернулась?

Вэй Цинюй бросила взгляд на Цзи Сяо в засаленной одежде, сидевшего на диване и коротко пробормотала:

- Угу.

Она взяла чашку и отпила немного воды, влажные губы поджались и всё же нет-нет, да спросят:

- Вы поссорились?

Цзи Сяо сделал паузу. Думая о том, что она притворилась подругой семьи Вэй, предупредив Цзи Цинъюня о том, чтобы об этом инциденте Вэй Цинюй никогда не узнала, он согласно кивнул:

- Так нельзя, с чего бы?

Брови Вэй Цинюй нахмурились, стоило ей услышать тон Цзи Сяо.

Ей казалось смешным, что она волновалась о Цзи Сяо, поэтому она не собиралась больше ничего спрашивать, и вразброс сказав "да", закончила их разговор.

Атмосфера немного застопорилась, и Цзи Сяо заметил нотку неудовольствия в тоне Вэй Цин.

Он украдкой глянул на Вэй Циню, и увидел, что она по-прежнему пила воду, как и раньше, но её бирюзовые глаза стали немного холоднее.

Ты что, только что развернул оценки?

Цзи Сяо разозлился, но внезапно замер, когда собрался опустить взгляд.

На левом запястье Вэй Циню был завязан красный шнур, на котором на её изящном запястье висела маленькая изящная корзиночка персиков.

И почему эта маленькая корзиночка с персиками кажется такой знакомой?

В памяти Цзи Сяо вспыхнуло воспоминание. Она вспомнила, что выбежала сразу же после получения сообщения от Вэй Циню.

А маленькая корзиночка с персиками, которую он только что обнаружил, кажется, была в тот момент сунута в его карман им самим.

Не бывает таких совпадений…

Сердце Цзи Сяо глухо стучало в груди. Он спешно ощупал карман пиджака. В конечном итоге там обнаружилось несколько бумажек от сладостей, но вот исчезла маленькая персиковая корзинка, которую она впопыхах туда положила! Взгляд Цзи Сяо устремился на персиковую корзинку на запястье Вэй Цинъюй, и он так и не понял, для чего тот прикрепил к своему запястью, находившуюся в доме Вэй, корзинку. Неужели я что-то неправильно понял? А моя собственная до сих пор в комнате? Огонь заката устремился внутрь комнаты через французские окна за спиной Вэй Цинъюй, ударив Цзи Сяо в глаза. В ту же секунду, когда он поднял голову и отвел взгляд, он встретился с боковым взглядом Вэй Цинъюй. В бирюзовых глазах сквозила настороженность, и сердце Цзи Сяо дрогнуло. Вэй Цинъюй бросил взгляд на корзинку в форме персика, на которую Цзи Сяо уже давно смотрел, и слабым голосом произнес:

- Что-то не так?

Цзи Сяо поджала нижнюю губу и проговорила: "Нет… это ни о чем, просто мне кажется все это немного знакомым…"

Услышав это, Вэй Циню внутренне хмыкнул, глядя на сидящую напротив него сомневающуюся девушку.

Она мягко погладила маленькую персиковую корзинку на своем запястье и произнесла:

"Мать подарила тебе такую при рождении. Может, ты теперь об этом забыла".

Голос был предельно ровным, без малейшего следа эмоций.

Но Цзи Сяо почувствовала, что у нее похолодело на душе и почему-то стало грустно.

Значит, Вэй Циню тоже нужно было дать такую персиковую корзинку, а она затем выдает собственную за чужую?

И что, это награда за спасение главной героини?

"Я устала, пойду в свою комнату".

Вэй Циню встала и вышла, прервав радость Цзи Сяо.

Глядя на внезапное озарение на лице Цзи Сяо, она почувствовала себя немного никчемной из-за своей матери и еще более никчемной из-за отца за то, что тот защищал такого подонка, как Цзи Цинъюнь.

За окном расстилался туманный вечерний пейзаж, тени деревьев колебались напротив окна.

Полная луна ярко взошла на небо, заставляя Вэй Цинъюй чувствовать себя необычайно одинокой.

Цзи Сяо молча наблюдал, как она исчезла в лестничном колодце, в его душе было сложное чувство.

Сегодня Праздник середины осени, день для семейных встреч.

Но они оба были людьми, у которых в этом мире нет дома...

"Барышня, сейчас звонил господин, сказал, что у него сегодня что-то с банкетом и он не сможет прийти", - приблизившись к Цзи Сяо, произнесла няня Ву.

Цзи Сяо спокойно отвел взгляд и лишь безразлично протянул: "О-о-о".

Этот подлец сейчас отправится к наружному наблюдению, чтобы отыскать доказательства, и вскоре отыщет так называемых соратников семьи Вэй, которые напугали его до потери штанов.

Однако, если наружное наблюдение их не выявит, то у Цзи Цинъюня в городе А наступит конец - и это ему не поможет.

К тому же, даже если их на самом деле разоблачат, то такая большая шишка сможет легко все замять.

Во всяком случае, она всего лишь девчонка, он раболепствовал перед своей дочерью и не мог ничего поделать с собой. Пока она сможет сбежать, она гарантирует, что Ся Юн и другие также сбегут.

Тетя Ву: «Тогда сделаем это сегодня вечером...»

«Нет необходимости готовить хотя бы одно блюдо, я сама закажу все эти лунные пирожные и пирожные». Цзи Смотрел на яркие огни в соседнем доме по соседству, где у семейного очага воссоединились все родственники, и приказала: «Мы не можем жить без атмосферы, которая есть в домах других людей».

Тетя Ву не понимала, к чему клонит Цзи Сяо, и послушно кивнула: «Хорошо, месс».

С наступлением ночи взошла полная луна, ярко освещавшая небо, создавая чистый и светлый мир.

Вэй Циню, закончив мыться, села отдохнуть на свою кровать.

Она была ни причем к радости мира.

«Донг-дон-донг».

В этот момент в дверь постучали.

Вэй Циню села на кровати и сказала: «Кто это?»

"Сударыня Вэй, госпожа просит вас спуститься на банкет в честь воссоединения". Тётушка У была серьёзно предупреждена Цзи Сяо, и она относилась к Вэй Цинъюй с большим почтением.

Услышав слова "банкет в честь воссоединения", Вэй Цинъюй невольно нахмурилась.

Она холодно ответила: "Благодарю за честь, сударыня, но я устала и не смогу присутствовать".

Тётушка У поспешила сказать: "Сударыня Вэй, наша госпожа передала, что меня уволят, если вы не спуститесь, поэтому прошу вас предоставить нам честь лицезреть вас".

Вэй Цинъюй слушала из комнаты, но оставалась безучастной.

Эта группа людей не заботилась о её жизни и смерти в прошлом, так что кого теперь это волнует?

Тётушка У видела, что Вэй Цинъюй медлит с ответом, поэтому нервно сжала руки и сказала: "Наша госпожа также сказала, что... что 'ублюдок' так и не пришёл...".

Услышав эти слова, Вэй Цинъюй слегка вздрогнула.

Она не знала почему, но была уверена, что "ублюдком", о котором говорила Цзи Сяо, был Цзи Цинъюнь, и её порадовало то, что было сказано в адрес Цзи Сяо.

Литературный текст:

С дрожью в голосе тетушка У ждала за дверью, ладони ее покрылись испариной.

Она умоляла изо всех сил, но юная госпожа была неумолима.

Тетушка У и подумать не могла, что ее судьба будет зависеть от Вэй Цинъюй.

Внезапно из комнаты вырвался яркий свет.

Вэй Цинъюй появилась в дверном проеме в просторном белом платье: "Пойдемте".

Тетушка У кивнула, ее глаза сияли от восторга, и она, как верная собака, засеменила впереди Вэй Цинъюй.

Госпожа спустилась по лестнице, но вместо того, чтобы направиться к столовой, как обычно, она пошла к стеклянным дверям, ведущим во внутренний двор.

Послышался тяжелый скрежет, когда стеклянные двери открылись, и тетушка У с почтением пригласила Вэй Цинъюй пройти.

Вэй Цинъюй замялась, не понимая, чего хочет Цзи Сяо, и осторожно шагнула вперед.

```

**Перевод на русский язык:**

Тётя У нервно ждала за дверью, ладони её были влажными от пота.

Силой воспользоваться она не может, всё, что можно было сказать, она уже сказала, а молодая госпожа твердит одно и то же.

Тётя У и подумать не могла, что её судьба однажды окажется в руках Вэй Цинъюй.

Внезапно из комнаты хлынул яркий свет.

Вэй Цинъюй появилась на пороге в просторной белой юбке: «Пойдёмте».

Тётя У радостно закивала головой и побежала впереди Вэй Цинъюй, как прилежная собачка, указывая ей дорогу.

Они спустились по лестнице, но вместо того, чтобы как обычно пойти прямо в обеденный зал, направились к стеклянной двери, ведущей во внутренний двор.

Раздался тяжёлый скрип стеклянной двери, и тётя У почтительно пропустила вперёд Вэй Цинъюй.

Вэй Цинъюй помедлила, не понимая, что задумал Цзи Сяо, подозрительно подняла ногу и двинулась в сторону внутреннего двора.

```

Древние говорили, что луна скудна, но Вэй Цинъюй, стоявшая во дворе под ночным небом, видела звезды.

Множество развешанных на деревьях маленьких белых фонариков сверкали, яркие и красивые, как звезды.

Ярчайший свет полной луны осени полностью осветил девушку, стоявшую посреди двора.

Джи Сяо, стоя перед сверкающим ужином, широко развел руки навстречу Вэй Цинъюй, его золотисто-оранжевые глаза искрились яркой улыбкой.

"Вэй Цинъюй, с праздником Середины осени".

```

Древние говорили, что луна скудна, но Вэй Цинъюй, стоявшая во дворе под ночным небом, видела звезды.
```

Маленькие белые фонарики, специально развешанные на деревьях, сверкали, яркие и красивые, как звезды.

Полная луна Праздника середины осени безоблачно заливала своим сиянием девушку, стоящую посреди двора.

Джи Сяо стоял перед ослепительным ужином и с распростертыми руками окликнул Вэй Цинъюй, его золотисто-оранжевые глаза светились лучезарной улыбкой.

"Вэй Цинъюй, с Праздником середины осени".

http://erolate.com/book/4215/125855